Ночи безумные
Русская любовная
лирика XIX века

Борис Тимофеевич Евсеев

Ночи безумные. Русская любовная лирика XIX века

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593995
Ночи безумные. Русская любовная лирика XIX в.: сборник: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46766-2

Аннотация

Стихи, составившие эту книгу, столь совершенны, столь прекрасны… Они звучат как музыка. И нет ничего удивительного в том, что эти строки вдохновляли композиторов на сочинение песен и романсов. Многие стихи мы и помним благодаря романсам, которые создавались в девятнадцатом веке, уцелели в сокрушительном двадцатом, и сегодня они с нами. Музыка любви, помноженная на музыку стиха, – это лучшая музыка, которая когда-нибудь разносилась над просторами России.

Содержание

Век любви 5
Александр Сергеевич Пушкин 8
Элегия 8
Черная шаль 9
Ночь 11
* * *[2] 12
* * * 13
Фонтану Бахчисарайского дворца 14
* * * 15
К***[3] 16
Сожженное письмо 17
* * * 18
Признанье[4] 19
* * * 20
* * * 21
* * * 22
* * *[5] 23
* * * 24
Мадона 25
Элегия 26
Прощание 27
* * * 28
* * * 29
Красавица[6] 30
К*** 31
Антон Антонович Дельвиг 32
Любовь 32
Первая встреча 33
Близость любовников 34
К Амуру 35
Элегия 36
Жалоба[7] 37
* * *[8] 38
Романс 39
Романс 40
Русская песня 41
Малороссийская песня 42
Русская песня 43
* * *[9] 44
Евгений Абрамович Баратынский 45
К Алине 45
Прощание 46
Ропот 47
Разлука 48
Коншину 49
Л<утковск>ой 50

Разуверение 51
Возвращение 52
Поцелуй 53
Признание 54
К… 55
Любовь 57
* * * 58
Она 59
* * * 60
* * *[10] 61
* * * 62
Николай Михайлович Языков 63
К… 63
А. А. Воейковой 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Ночи безумные. Русская любовная лирика XIX в.

Век любви

Если бы XIX век оставил нам одну только любовную лирику – нужно было бы признать: век удался! Это особенно отчетливо видно теперь, в начале XXI века. Циники скажут: никакой любви не было тогда, да и сейчас нет. Есть половые отношения и проч. Правда, духовно развитые люди им тут же возразят: мир есть любовь. Сразу же хочется добавить: стих есть любовь. Любовь упрятана в стихе, как росток в зерне. Больше того: любовь и в сознании современного человека, современного россиянина часто все еще связана с ритмом строк, со строфами, с чередующейся рифмой.

В нашей книге – лирика четырнадцати поэтов. А это четырнадцать способов говорить о любви. Четырнадцать мелодий, связующих нас с XIX веком. Некоторые из этих четырнадцати поэтов находились в состоянии влюбленности всю жизнь. Другие любили лишь однажды. Но почти всегда любовь русского поэта была и высшей точкой его жизни. Любовь ценилась выше ума, она была нужней морализаторства и рациональной философии, граничила с высоким безумием. Эта любовь терзала ночами, не уходила днем, становилась стержнем и смыслом бытия поэтов.

Век любви начинается с Пушкина. Его лирика переплетается с этим чувством постоянно, резко и страстно. Таковы же вначале и пушкинские влюбленности: краткие, острые, бурные. Полячка Собаньская и графиня Воронцова, Амалия Ризнич и Наталья Оленина – полыхнув яркими зарницами, они вскоре погасли. Однако две женщины оставили неизгладимый след в судьбе и в поэзии Пушкина. Это Анна Керн и Наталья Гончарова. И хотя Пушкин в письмах отзывался о Керн слегка пренебрежительно и даже грубовато, а жене своей давал в письме чаще всего светские и хозяйственные наставления – стихи, с этими женщинами связанные («Я помню чудное мгновенье» – это о Керн, «Мадона» – это о Гончаровой), стали недосягаемыми вершинами русской поэзии. Это говорит о том, что стихи и от писем, и от прозы весьма отличаются. В стихах может «сказаться» то, чего в здравом уме ни один человек не скажет. Так, может, истина – в стихах?..

Что же до Пушкина, то в конце жизни он стал сдержанней в порывах. Пушкин не остыл, просто понял: увлечения – множественны, любовь – единична.

Тяжелодум и однолюб Дельвиг, увлекшийся одно время взбалмошной Софьей Пономаревой, содержательницей модного салона, любил, кажется, только свою жену – баронессу Дельвиг (урожденную Салтыкову). Правда, любовь его, поначалу светлая, песенная, стала постепенно превращаться в жестокий романс: жена была ветрена и особой взаимностью мужу не отвечала. Чувство утраты единственной любви, возможно, стало одной из причин ранней смерти Дельвига.

«Певец пиров и грусти томной» Евгений Баратынский[1] любовью тоже не разбрасывался. И хотя в молодости он немало написал о сильфидах и вакханках, о непостоянных красавицах (все о той же Софье Пономаревой, об Аграфене Закревской), после женитьбы стал ценить любовь длительную и верную. Пушкин назвал как-то Баратынского «задумчивым проказником». Баратынский и впрямь много думал. Даже любить и проказить со временем стал он как бы в задумчивости и в полусне. Нельзя обойти вниманием и то, что в его мрачноватых стихах, написанных в 30–40-е годы, как бы предчувствуется и его небывалая смерть от

[1] Существует двойное написание фамилии поэта: Баратынский и Боратынский (*сост.*).

любви: поэт умер в Неаполе, напуганный внезапным нездоровьем жены. Жене (урожденной Анастасии Энгельгардт), у которой глубокомысленный доктор стал внезапно подозревать воспаление мозга, сделалось лучше. А вот разволновавшегося поэта спасти не удалось.

Счастливей был Языков. Его поэзия весьма гармонировала с его радостной и мало чем отягощаемой любовью. Поначалу любовь эта была идиллической – к «музе» Александре Воейковой. Позже – к вполне земной цыганке Тане (Татьяне Дмитриевне Демьяновой), знаменитой тогда певице. Не слишком терзаясь изменами и изредка меняя предмет привязанности, буйный «стихоборец» Языков в любовные пропасти не падал, но, правда, и до вершин волшебного чувства не всегда добирался.

А Федор Тютчев, дважды женатый и много раз влюблявшийся, письма писал чаще всего своей второй жене Эрнестине (урожденной баронессе фон Дернберг). Однако любил при этом другую. И это опять говорит о том, что стихи и проза жизни мало в чем сходны. Самая большая любовь Тютчева погибла, к несчастью, не в стихах, а в реальной жизни: Елена Денисьева умерла, оставив поэта до конца дней безутешным. Но в поэзии Тютчева она продолжала зримо присутствовать. Ну, а в конце жизни Федор Иванович все-таки понял, что крепче всего он был привязан к Эрнестине Тютчевой. Иначе как объяснить эти посвященные ей строки:

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

Тяжка была любовная доля «косаря» Кольцова. Отец чуть не силой пытался женить поэта на нелюбимой женщине. Любил же Кольцов крепостную девушку Дуняшу. Ей он посвятил прекрасные стихи «Если встречусь с тобой». Любовь эта была грубо и трагически оборвана. Правда, в конце жизни поэта посетило еще одно сильное чувство: его буквально испепелила страсть к Варваре Лебедевой (Огарковой). Здесь все точь-в-точь как в кольцовских песнях: то верх блаженства, то беспробудное горе.

Без особой взаимности осталась любовь юного Лермонтова к Наталье Ивановой, а затем и его любовь к Варваре Лопухиной и к Екатерине Сушковой. И хотя он обессмертил их имена и образы в стихах, в повседневной жизни встречи с этими женщинами были скорей терзающими и ранящими, чем приятными, и кончались, как это часто и случалось у Лермонтова, «горечью и злостью».

Яков Полонский все больше живописал любовь экзотическую: то тифлисскую, «авлабарскую», то вольную, цыганскую. Но уже будучи признанным мэтром «чистого искусства», он вдруг посвящает Чехову удивительное стихотворение «У двери», где жажда реальной, а не придуманной любви внезапно вспыхивает в семидесятилетнем старце с новой силой.

Олимпиец и классицист Аполлон Майков и к любви относился по-олимпийски. Однако между историческими картинами Греции и раннего славянства, слегка разбавленными любовными сценами, вдруг да и прорвется тонкая нота иной любви: земной, сиюминутной, весенней, нежной. И здесь предмет нежности – жена поэта.

А вот Аполлон Григорьев был в любви явно несчастлив. Особенно в конце жизни. Еще в 1851 году Григорьев близко сошелся с семьей одного из своих коллег по Воспитательному дому (там Григорьев преподавал словесность). Аполлон Александрович, тогда уже человек солидный, семейный, влюбился без памяти в одну из дочерей своего коллеги. Звали ее Леонида Визард. Она была изящна, талантлива, умна. Но по характеру эта девушка была очень сдержанной. Григорьев даже в сердцах называл Леониду Яковлевну, имевшую черные, как у цыганки, волосы, пуританкой. В 1857 году Леонида вышла замуж за инженер-поручика

М.Н. Владыкина. Счастье поэта было разрушено. Не об этом ли погибшем счастье – залихватски тоскующая «Цыганская венгерка»? Во всяком случае, некоторые исследователи ясно видят профиль Леониды меж строк этой знаменитой вещи.

Наибольшее количество стихов о любви, и, пожалуй, наивысшего качества, написано в XIX веке Афанасием Фетом. Многие из них связаны с биографией поэта. Долго удивлялись и современники, и читатели более позднего времени его стихотворению «Здесь человек сгорел…». А ведь речь шла о конкретной, сгоревшей в натуральном, а отнюдь не поэтическом огне женщине. Дочь мелкого херсонского помещика Мария Лазич, возлюбленная поэта, зная, что им никогда не соединиться, по неосторожности, а может, и умышленно сожгла себя.

В 1857 году Фет женился на дочери богатейшего торговца чаем Боткина – М.П. Боткиной. Мария Павловна не была красавицей, она пережила какой-то неудачный роман, что, возможно, и сблизило ее с Фетом. Стихи о любви потекли у Афанасия Афанасьевича рекой. Кстати, последнее стихотворение о любви написано шестидесятилетним поэтом!

Толстый и отдышливый Апухтин меньше всего походил на певца любви. Однако стихи его чрезвычайно мелодичны, что сразу же оценил такой чуткий слушатель, как Петр Ильич Чайковский. В кружке Апухтина царил культ певицы Панаевой-Карцовой. Неразделенная любовь к ней прошла через всю жизнь поэта. От этой неразделенности – надрыв и слезы, но от нее же – и поэтическо-романсовые высоты, взятые Апухтиным.

Много счастливей в любви был граф Алексей Константинович Толстой. Его любовная лирика посвящена в основном жене Софье Андреевне. Это о ней – знаменитое стихотворение «Средь шумного бала…». В стихотворении все точно, все непридуманно. Софья Андреевна Миллер была замужем за нелюбимым ею кавалергардом Л.Ф. Миллером, а до этого пережила драматическое увлечение поэтом Вяземским. Встреча с Толстым стала решающей в судьбе Софьи Андреевны. И встреча эта произошла как раз на том самом балу. Бал все и решил.

Великий князь Константин Константинович Романов, писавший под псевдонимом К.Р., был крупным государственным деятелем, флотоводцем, академиком. А потому частную жизнь свою весьма тщательно скрывал. Но в стихах его (как, впрочем, и в дневниках) все же прорывалась привязанность к любимым женщинам. А стихи к невесте-принцессе поражают нежностью и вовсе не великокняжеским пылом.

Более 150 лет прошло со времени создания этих стихов, но этот поэтический роман, роман о всепоглощающем чувстве звучит в песнях, в романсах, считывается со страниц книг, журналов и доныне. Потому что музыка любви, помноженная на музыку стиха, – это лучшая музыка, которая когда-нибудь разносилась над просторами России.

Борис Евсеев

Александр Сергеевич Пушкин
1799–1837

Элегия

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда тихая лелеет;
Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
И с ней увянут жизни розы.
Но я, любовью позабыт,
Любви не позабуду слезы!

1816

Черная шаль

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог…

В покой отдаленный вхожу я один…
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел…
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья… текущую кровь…
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг… люблю…
твоя… твоя!..

1823

* * *[2]

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда… друг жестокий!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.

Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..

Но я любим… Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

1823

[2] Обращено к Амалии Ризнич, дочери венского банкира Риппа (… – 1826).

* * *

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

1824

Фонтану Бахчисарайского дворца

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль…

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал…

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

1824

* * *

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в твоей душе читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

1824

К***[3]

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Развеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

[3] Обращено к Анне Керн (1800–1879).

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет…
Минуту!.. вспыхнули! пылают – легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит… О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют… Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди…

1825

* * *

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двигнется ночная тень.

1825

Признанье[4]

Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам…
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь – мне отрада;
Вы отвернетесь – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетеся вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1826

[4] Обращено к Александре Ивановне Осиповой (ок.1805–1864) – падчерице Осипова П.А.

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далекой, бедной девы.

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой… Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

1829

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

1829

* * *[5]

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я…

1830

[5] Обращено к польской красавице Каролине Собаньской (1794–1885).

* * *

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участья и вниманья
Уныло слушаешь меня…
Кляну коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляну речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

1830

Мадона

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1830

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

Прощание

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас.
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

1830

* * *

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья…
Но жду его; он за тобой…

1830

* * *

Нет, я не дорожу мятежным
наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством,
исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

1831

Красавица[6]

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

1832

[6] Написано в альбом графине Елене Михайловне Завадовской (1807–1874)

К***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё – даже счастие того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

1832

Антон Антонович Дельвиг
1798–1831

Любовь

Что есть любовь? Несвязный сон.
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,

То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.

Первая встреча

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но все меня к нему влекло,
Все мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду – и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? – спросила я, —
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

1814

Близость любовников

(Из Гёте)

Блеснет заря, и все в моем мечтаньи
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда поток в молчаньи
Сребрит луна.

Я зрю тебя, когда летит с дороги
И пыль и прах,
И с трепетом идет пришлец убогий
В глухих лесах.

Мне слышится твой голос несравненный
И в шуме вод;
Под вечер он к дубраве оживленной
Меня зовет.

Я близ тебя; как не была б далеко,
Ты все ж со мной.
Взошла луна. Когда б в сей тьме глубокой
Я был с тобой!

Между 1814 и 1817

К Амуру

(Из Геснера)

Еще в начале мая
Тебе, Амур жестокий!
Я жертвенник поставил
В домашнем огороде
И розами и миртом
Обвил его, украсил.
Не каждое ли утро
С тех пор венок душистый
Носил тебе, как жертву?
А было все напрасно!
Уж сыплются метели
По обнаженным ветвям, —
Она ж ко мне сурова,
Как и в начале мая.

Между 1814 и 1817

Элегия

Когда, душа, просилась ты
    Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
    К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
    Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
    К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
    На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
    Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл, —
    Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
    Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
    Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
    Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
    Не повторяйте ей!

1821 или 1822

Жалоба[7]

Воспламенить вас – труд напрасный,
Узнал по опыту я сам;
Вас боги создали прекрасной —
Хвала и честь за то богам.
Но вместе с прелестью опасной
Они холодность дали вам.
Я таю в грусти сладострастной,
А вы, назло моим мечтам,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простым мольбам.

1822 или 1823

[7] Обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой.

* * *[8]

Я плыл один с прекрасною в гондоле,
Я не сводил с нее моих очей;
Я говорил в раздумье сладком с ней
Лишь о любви, лишь о моей неволе.

Брега цвели, пестрело жатвой поле,
С лугов бежал лепечущий ручей,
Все нежилось. – Почто ж в душе моей
Не радости, унынья было боле?

Что мне шептал ревнивый сердца глас?
Чего еще душе моей страшиться?
Иль всем моим надеждам не свершиться?

Иль и любовь польстила мне на час?
И мой удел, не осушая глаз,
Как сей поток, с роптанием сокрыться?

1822

[8] Обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой.

Романс

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

Романс

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

Русская песня

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех страна́х,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли, у младой,
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли, у младой,
Жар-колечко на руке,
У меня ли, у младой,
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

Малороссийская песня

Я ль от старого бежала,
В полночь травы собирала,
Травы с росами мешала,
Все о воле чаровала.
Птичке волю, сердцу волю!
Скоро ль буду я вдовою?..
Дайте, дайте погуляю,
Как та рыбка по Дунаю,
Как та рыбка с окунями,
Я, молодка, с молодцами,
Как та рыбка со плотвою,
Я с прилукой-красотою!

1829

Русская песня

Я вечор в саду, младешенька, гуляла,
И я белую капусту поливала,
Со правой руки колечко потеряла;
Залилася я горючими слезами,
И за это меня матушка бранила:
«Стыдно плакать об колечке! – говорила. —
Я куплю тебе колечко золотое,
Я куплю тебе колечко с изумрудом».
Нет, нет, матушка, не надо никакого!
То колечко было друга дорогого;
Милый друг дал мне его на память.
Любовь милого дороже изумруда,
Любовь милого дороже всего света.

1820-е годы

* * *[9]

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви
прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

1829 или 1830

[9] Обращено к Софье Михайловне Салтыковой (жене поэта).

Евгений Абрамович Баратынский
1800–1844

К Алине

Тебя я некогда любил,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя в то время был —
Ты в утро дней едва вступала.
Тогда любим я был тобой
И в дни невинности беспечной
Алине с детской простотой
Я клятву дал уж в страсти вечной.

Тебя ль, Алина, вижу вновь?
Твой голос стал еще приятней;
Сильнее взор волнует кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятней;
Блестящих на груди лилей
Все прелести соединились,
И чувства прежние живей
В душе моей возобновились.

Алина! чрез двенадцать лет
Все тот же сердцем, ныне снова
Я повторяю свой обет.
Ужель не скажешь ты полслова?

Прелестный друг! чему ни быть,
Обет сей будет свято чтимым.
Ах! я могу еще любить,
Хотя не льщусь уж быть любимым.

<1819>

Прощание

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! вяну в утро дней!
Не мне стезею потаенной,
Вновь молчаливую, тишком,
Младую деву под плащом
Вести в альков уединенный.
Бежит изменница любовь!
Светильник дней моих бледнеет,
Ее дыханье не согреет
Мою хладеющую кровь.
Следы печалей, изнуренья
Приметит в страждущем она.
Не смейтесь, девы наслажденья,
И ваша скроется весна,
И вам пленять недолго взоры
Младою пышной красотой;
За что ж в болезни роковой
Я слышу горькие укоры?
Я прежде бодр и весел был,
Зачем печального бежите?
Подруги милые! вздохните:
Он сколько мог любви служил.

<1819>

Ропот

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу, —
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Все мнится, счастлив я ошибкой,
И не к лицу веселье мне.

<1820>

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон… исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

<1820>

Коншину

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
Живой источник сладострастья
Дарован в нем его сынам.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселит?
Бездейственность души счастливцев тяготит;
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?
Счастливцы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный
друг?

Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
Тот дорожит врачом душевным.
Что, что дает любовь веселым шалунам?
Забаву легкую, минутное забвенье
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленье!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги,
Скажу ль? Все раны, все недуги,
Все расслабление души твоей больной;
Забыв и свет, и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах ее, в ее дыханье пить
Целебный воздух жизни новой!
Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастием для света мы убоги,
Счастливцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

<1820>

Л<утковск>ой

Когда неопытен я был,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишком прихотливый,
Я за любовь любви молил;
Я трепетал в тоске желанья
У ног волшебниц молодых;
Но тщетно взор во взорах их
Искал ответа и узнанья!
Огонь утих в моей крови;
Покинув службу Купидона,
Я променял сады любви
На верх бесплодный Геликона.
Но светлый мир уныл и пуст,
Когда душе ничто не мило, —
Руки пожатье заменило
Мне поцелуй прекрасных уст.

1820 или 1821

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

<1821>

Возвращение

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер, день погас.
Покинем рощу, где для нас
Часы летели как мгновенья!
Лель, улыбнись, когда из ней
Случится девице моей
Унесть во взорах пламень томный,
Мечту любви в душе своей
И в волосах листок нескромный.

<1822>

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

<1822>

Признание

Притворной нежности не требуй от меня,
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты пра́ва, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.
Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви – кто знает? – изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

<1823>

К...

Мне с упоением заметным
Глаза поднять на вас беда:
Вы их встречаете всегда
С лицом сердитым, неприветным.
Я полон страстною тоской,
Но нет! рассудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Ответа требовать не буду.
Не терпит Бог младых проказ,
Ланит увядших, впалых глаз.
Надежды были бы напрасны,
И к вам не ими я влеком.
Любуюсь вами, как цветком,
И счастлив тем, что вы прекрасны.
Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись нежному томленью,
Слегка о прошлом я тужу,
Но рад, что сердце нахожу
Еще способным к упоенью.
Меж мудрецами был чудак:
«Я мыслю, – пишет он, – итак,
Я, несомненно, существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь, – я пойму
Скорее истину такую.
Огнем, похищенным с небес,
Япетов сын (гласит преданье)
Одушевил свое созданье,
И наказал его Зевес
Неумолимый, Прометея
К скалам Кавказа приковал,
И сердце вран ему клевал;
Но, дерзость жертвы разумея,
Кто приговор не осуждал?
В огне волшебных ваших взоров
Я занял сердца бытие:
Ваш гнев достойнее укоров,
Чем преступление мое;
Но не сержусь я, шутка водит
Моим догадливым пером.
Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.
Душою праздный с давних пор,
Еще твержу любовный вздор,
Еще беру прельщенья меры,

Как по привычке прежних дней
Он ароматы жжет без веры
Богам, чужим душе своей.

<1824>

Любовь

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но все отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви – огонь живительный,
Все говорят; но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, о́бъятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов златых цветущей младости
Тебе открыл бы душу вновь.

<1824>

* * *

Я был любим, твердила ты
Мне часто нежные обеты,
Хранят бесценные мечты
Слова, душой твоей согреты;
Нет, не могу не верить им,
Я был любим, я был любим!

Все тот же я, любви моей
Судьба моя не изменила;
Я помню счастье прежних дней,
Хоть, может быть, его забыла,
Забыла милая моя, —
Но тот же я, все тот же я!

К свиданью с ней мне нет пути.
Увы! когда б предстал я милой, —
Конечно, в жалость привести
Ее бы мог мой взор унылый.
Одна мечта души моей —
Свиданье с ней, свиданье с ней.

Хитра любовь: никак, она
Мне мой романс теперь внушает;
Ее волнения полна,
Моя любезная читает,
Любовью прежней дышит вновь.
Хитра любовь, хитра любовь!

1825

Она

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластней
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты – и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной.
Ты полон весь таинственной тоской.

<1826>

* * *

Люблю я красавицу
С очами лазурными:
О! в них не обманчиво
Душа ее светится!
И если прекрасная
С любовию томною
На милом покоит их,
Он мирно блаженствует,
Вовек не смутит его
Сомненье мятежное.
И кто не доверится
Сиянью их чистому,
Эфирной их прелести,
Небесной души ее
Небесному знаменью?

Страшна мне, друзья мои,
Краса черноокая;
За темной завесою
Душа ее кроется,
Любовник пылает к ней
Любовью тревожною
И взорам двусмысленным
Не смеет довериться.
Какой-то недобрый дух
Качал колыбель ее:
Оделася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося в сердце к ней
Лукавство лукавого.

<1830>

* * *[10]

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне;
Скажу ль? мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу;
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.

<1834>

[10] Обращено к Анастасии Львовне Энгельгардт – жене поэта (1804–1860)

* * *

Своенравное прозванье
Дал я милой в ласку ей,
Безотчетное созданье
Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно символ
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно.
Что в нем свету? Но сомненье
Если дух ей возмутит,
О, его в одно мгновенье
Это имя победит;
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милый,
Здешних чувственных примет,
Им бессмертье я привечу,
К безднам им воскликну я,
Да душе моей навстречу
Полетит душа твоя.

<1834>

Николай Михайлович Языков
1803–1846

К…

Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор —
Они прельстят питомца света,
Ему весь рай твоей любви;
Но горделивого поэта
В твои объятья не зови!

Напрасно пылкий и свободный,
Душой невинный, он желал
В тебе найти свой идеал
И чувство гордости народной.
Ищи неславного венка —
Ты недостойна вдохновений,
Простая жажда наслаждений
Жрецу изящного – низка.

А. А. Воейковой

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников Богу
Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора
Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Вьюга́ лихая не гневит!
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.